

УДК 93/94

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-1-104-114

**АВСТРО-ГЕРМАНСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ
В КОНЦЕ 1914 – ИЮНЕ 1917 Г. И БРАТАНИЕ В 1917 Г.****THE AUSTRO-GERMAN PROPAGANDA IN THE SOUTH-WESTERN FRONT
AT THE END OF 1914 – JUNE 1917, AND FRATERNIZATION IN 1917****С.В. Курицын
S.V. Kuritsyn**

Институт Российской истории Российской Академии Наук
(Центр Военной истории России)
Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences
(Center of Military history of Russia)
19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russia.

E-mail: sergejj-88@yandex.ru

Аннотация

В статье сделана попытка исследовать масштабы пропаганды Центральных империй, направленной против армий Юго-Западного фронта, начиная с конца 1914 по июнь 1917 г. Рассмотрены только те армии, которые находились на Юго-Западном фронте в первой половине 1917 г., а именно Особая, 11-я, 7-я и 8-я армии. Необходимо обратить внимание на то, что характер пропаганды за указанный период претерпел значительную эволюцию как в количественном отношении, так и в отношении содержащихся в листовках призывов. Следует также отметить, что в марте – мае 1917 г. прокламации чаще всего передавались русским солдатам во время братания, достигшего в указанные месяцы небывалого до того развития на фронте.

Abstract

The author attempted to investigate the extent of the propaganda of the Central empires against the armies of the South-Western Front, since the end of 1914 to June 1917. Only those armies that were on the South-Western Front in the first half of 1917, namely the Special, 11th, 7th and 8th armies were considered. The study of the array of proclamations distributed by the Austro-German soldiers on the South-Western Front of the Eastern European theatre from the end of 1914 to the middle of 1917 showed that the nature of propaganda during this period has undergone a significant evolution both quantitatively and in relation to the appeals contained in the leaflets. It should also be noted that the sharp increase in propaganda of Austria-Hungary and Germany in the spring of 1917 was associated with the hope of concluding a separate peace with the Provisional government that came to power after the February revolution in Russia. In March – May 1917, proclamations were most often given to Russian soldiers during fraternization, which reached unprecedented development at the front in these months.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская армия, Юго-Западный фронт, прокламация, пропаганда, Февральская революция, братание.

Keywords: The First world war, the Russian army, South-West front, proclamation, propaganda, the February revolution, fraternization.

В данной статье сделана попытка исследовать масштабы пропаганды Центральных империй в армиях Юго-Западного фронта, начиная с конца 1914 по июнь 1917 г. Но поскольку в состав данного фронта в разное время входили различные армии, то предметом моего исследования стали только те из них, которые находились на Юго-Западном фронте

в первой половине 1917 г., а именно Особая, 11-я, 7-я и 8-я армии. В процессе проведения исследования мною применялся сравнительно-исторический метод, анализ, синтез. В статье приводятся также количественные показатели, иллюстрирующие степень нарастания австро-германской пропаганды в рассматриваемый период. Кроме того, в работе использованы архивные документы, ранее не введённые в научный оборот.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению масштабов пропаганды держав Четверного союза, направленной против армий Юго-Западного фронта, следует кратко осветить историю изучения братания, ведь именно в процессе его развития, в особенности после Февральской революции, чаще всего и осуществлялась передача прокламаций и газет австро-германскими военнослужащими русским солдатам. Первые работы, посвящённые изучению братания, стали выходить в свет в первые месяцы после революции. Так в мае 1917 г. была опубликована брошюра А. Жаркова «Германские прокламации и «братание»» [Жарков, 1917]. В ней автор назвал братание и немецкие прокламации, распространяемые войсками Четверного союза, «новым оружием германцев» [Жарков, 1917, с. 4]. Также летом 1917 г. появилась брошюра П.Д. Бурского «Братание с врагом» [Бурский, 1917]. Следует отметить, что в названных работах авторами приводится большое количество источников: немецких прокламаций, писем, решений солдатских комитетов.

Отдельно стоит сказать о книге А.С. Изгоева (Ланде) «Социалисты во Второй русской революции», в которой также уделено внимание братанию [Изгоев, 1917]. Автором приводится ряд выдержек из газет многих социалистических партий, а также из «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», в различной степени посвящённых братанию. По мнению исследователя, братание поощрялось не только большевиками, действовавшими открыто, но косвенно и другими социалистическими партиями, принимавшими участие в конференции в Циммервальде (1915 г.) и дальнейших конференциях социалистов [Изгоев, 1917].

В советской исторической науке братание также становилось объектом исследования. Так упоминал о нём в своей книге В.И. Вегер [Вегер, 1924]. Также вышли в свет работы В. Хохлова [Хохлов, 1931], Я.Г. Тёмкина [Тёмкин, 1957], Л.И. Велигуры [Велигура, 1977; Велигура, 1982]. Особое внимание обращает на себя исследование А.Г. Ткачука, в котором автор изучал братание на Юго-Западном и Румынском фронтах [Ткачук, 1967]. Также отдельно стоит сказать о статье В.В. Кутузова [Кутузов, 1968], в которой учёным проанализирована источниковая база, необходимая для исследования братания. Сведения о количестве случаев братаний на Русском фронте осенью 1917 г., хотя и далеко неполные, содержатся в фундаментальном труде И.И. Минца «История Великого октября» [Минц, 1977, с. 745]. М.С. Френкин также уделил внимание изучению данного вида антивоенных выступлений [Френкин, 1978]. Также в работе, принадлежащей Е.Н. Истрати, достаточно подробно рассмотрено братание и другие виды антивоенных выступлений на Румынском фронте [Истрати, 1973].

В постсоветский период появились новые работы, в которых братание исследовалось более многопланово. Среди них следует обратить внимание на монографию Ю.Г. Фельштинского [Фельштинский, 1992], работы С.Н. Базанова [Базанов, 2002; Базанов, 2013; Базанов, 2015], А.Б. Асташова [Асташов, 2011; Асташов, 2012], статьи Ю.А. Бахурина [Бахурин, 2010], В.В. Бондаренко [Бондаренко, 2014]. Обращался к изучению пропагандистских листовок Центральных держав, распространяемых на Русском фронте, и белорусский исследователь В.Н. Суряев [Суряев, 2016].

В основу же данной работы положен документальный материал (прокламации держав Четверного союза), собранный А.Б. Асташовым и опубликованный в книге «Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны» [Пропаганда..., 2012]. Допуская, что какая-то часть прокламаций Австро-Венгрии и Германии могла, по независимым от автора-составителя причинам, не войти в указанную книгу, я тем не менее опирался в моих подсчётах на опубликованный А.Б. Асташовым материал, как на наиболее полное в настоящее время собрание документов этого типа.

Следует также обратить внимание на то, что далеко не всегда можно с абсолютной точностью определить, от чьей армии, Германии или Австро-Венгрии, исходила та или иная листовка. Всего за период с конца 1914 по канун Июньского наступления 1917 г. в 7-й, 8-й, 11-й и Особой армиях выявлено 113 разновидностей (образцов)¹ прокламаций [Пропаганда..., 2012, с. 87–247], из которых, по моему мнению, 91 образец следует считать австро-венгерскими [Пропаганда..., 2012, с. 87–184] и 22 – германскими [Пропаганда..., 2012, с. 208–247]. То есть доля немецких листовок, распространяемых на Юго-Западном фронте, составила 19,5 % от общего их числа, причём 90,9 % из них (20 из 22 разновидностей) приходится на период с марта по июнь 1917 года. В развитии австро-германской пропаганды можно выделить три периода: 1) конец 1914–1915 г. (распространялось 12 разновидностей прокламаций) [Пропаганда..., 2012, с. 87–104, 224–225]; 2) 1916 г. – 2 марта 1917 г. (выявлено 40 разновидностей [Пропаганда..., 2012, с. 104–138, 226], а ко 2 марта 1917 г. ещё 2 новых образца [Пропаганда..., 2012, с. 138–140], а 2 продолжали распространяться с конца 1916 г. [Пропаганда..., 2012, с. 135–138] – всего 42 разновидности); 3) март – июнь 1917 г. (выявлено 40 австро-венгерских и 20 немецких образцов пропагандистских листовок).

Важно проследить, какая часть листовок приходилась на каждую из рассматриваемых армий Юго-Западного фронта и, таким образом, исследовать масштабы австро-германской пропаганды в отношении каждой из четырёх армий в изучаемый период.

В 8-й армии с конца 1914 г. и в 1915 г. распространялось 4 разновидности пропагандистских листовок (33,3 % от общего числа на рассматриваемом фронте за период с конца 1914–1915 г.) [Пропаганда..., 2012, с. 87, 89, 95, 101], 1 из которых относится к концу 1914 г. [Пропаганда..., 2012, с. 87]. Если в конце 1914–1915 г. пропагандистское воздействие на 8-ю армию носило в целом эпизодический характер, то в 1916 – начале 1917 г. оно заметно усилилось. За этот период на фронте 8-й армии было выявлено 16 разновидностей листовок за календарный 1916 г. [Пропаганда..., 2012, с. 105, 107–116, 119–120, 122–123, 130] и ещё 1 – в начале 1917 г. [Пропаганда..., 2012, с. 135–136]. Таким образом, общее число разновидностей прокламаций, адресованных 8-й армии, составляет 17, т. е., 40,5 % от общего числа разновидностей листовок за 1916 – 2 марта 1917 г. на рассматриваемом фронте. Интенсивность же пропаганды в сравнении с предшествующим периодом возросла в 4,25 раза или на 325 %. Если же проследить распространение пропагандистских материалов в 8-й армии ежемесячно, то картина была такова: январь – 3 разновидности; февраль – 5; март – листовок не выявлено; апрель – 4 разновидности; май – 3; с июня по сентябрь прокламаций в 8-й армии не зафиксировано; октябрь – 1 разновидность; в ноябре австро-германских листовок не выявлено; в начале 1917 г. – 1 разновидность [Пропаганда..., 2012, с. 105, 107–116; 119–120, 122–123; 130; 135–136]. Таким образом, можно констатировать относительно стабильный объём распространения австро-германских листовок в 8-й армии в течение 1916 г. Длительный же перерыв в летние месяцы и в начале осени объясняется активным участием 8-й армии в боях в ходе Брусиловского прорыва.

В марте – июне 1917 г. число разновидностей прокламаций Четверного союза возросло. По замечанию А. Жаркова: «... наши враги, не довольствуясь всевозможными орудиями, несущими смерть, ежедневно распространяют прокламации, адресованные к нашим солдатам, в надежде воздействовать на дух наших бойцов, посеять в их умах смущение, вселить в них взаимное недоверие» [Жарков, 1917, с. 3]. Стремление австро-германской стороны к распространению пропагандистского материала заметно уже в первые дни после падения монархии в России. К примеру, в разведывательной сводке от 5 марта № 516 сообщалось: «[В] районе южнее р. Прутчи, что 8 вёр[ст] севернее Кэрэшмезэ при стычке разведывательных партий захвачен раненый офицер, умерший [в] наших окопах, по документам устанавливается принадлежность его [к] 5 ландв[ерному]

¹ Под термином «Разновидность» («Образец») мы понимаем прокламацию, содержащую оригинальный текст, распространявшуюся на конкретном участке Юго-Западного фронта, на всём Юго-Западном фронте или на нескольких фронтах Восточноевропейского ТВД в конкретный период времени.

полку 30 пех[отной] див[изии], среди документов оказалось много прокламаций [по] поводу текущих событий. Очевидно разведывательная партия имела задачу разбросать прокламации»¹. В указанные месяцы на 8-ю армию пришлось 38 новых образцов листовок Центральных держав [Пропаганда..., 2012, с. 142–143, 149–160, 162, 163–173, 178–181, 183–184, 227–228, 239–240], что от общего числа прокламаций, распространяемых на Юго-Западном фронте в этот период, составляло 63, 3 %. Количество же немецких листовок, пришедшихся на 8-ю армию – 10 [Пропаганда..., 2012, с. 165–169, 172–173, 184, 227–228, 239–240], что составляет 26, 3 % от всех разновидностей прокламаций, адресованных 8-й армии и 50 % от количества разновидностей германских листовок, распространяемых на Юго-Западном фронте в марте – июне 1917 г. Необходимо отметить, что в марте-июне число пропагандистских листовок в 8-й армии в сравнении с предшествующим периодом возросло в 2,2 раза или на 123, 5 %. В сравнении же с аналогичным периодом 1916 г. (март – июнь) число листовок возросло в 5, 43 раза или на 442, 9 %.

По месяцам же прокламации, обнаруженные на фронте 8-й армии, распределились следующим образом. В марте – 6 разновидностей [Пропаганда..., 2012, с. 142–143, 227–228], 1 из которых, по мнению автора, следует отнести к немецким [Пропаганда..., 2012, с. 227–228]. В апреле – 16 разновидностей [Пропаганда..., 2012, с. 149–157, 158–160, 162–167, 239–240], что составляет 42, 1 % от всего объёма прокламаций, пришедшихся на 8-ю армию за первое полугодие 1917 г. и 45, 7 % от числа разновидностей пропагандистских листовок, распространённых на всём Юго-Западном фронте за апрель. Из этого же числа 5 образцов, на мой взгляд, стоит считать германскими [Пропаганда..., 2012, с. 165–167, 239–240]. Таким образом, на апрель приходится 50 % распространённых в 8-й армии немецких прокламаций. В мае отмечается некоторый спад интенсивности пропаганды Австро-Венгрии и Германии (на 18, 75 %), так как выявлено 13 разновидностей листовок [Пропаганда..., 2012, с. 160, 167–173, 178–181]. Из них 3 мной отнесены к немецким [Пропаганда..., 2012, с. 167–169, 172–173]. В июне, исходя из имеющегося документального материала, наблюдается резкое снижение числа разновидностей прокламаций – зафиксировано 3 новых образца [Пропаганда..., 2012, с. 183–184], из которых только 1, по моему мнению, германский [Пропаганда..., 2012, с. 184]. По-видимому, столь значительное снижение числа разновидностей прокламаций стран Четверного союза на Юго-Западном фронте в начале лета связано с подготовкой и началом Июньского наступления русской армии. В целом же за рассматриваемые четыре месяца 1917 г. 8-я армия стала лидером среди армий Юго-Западного фронта по числу разновидностей обнаруженных на её фронте прокламаций.

В 7-й армии в 1915 г. выявлено 3 разновидности прокламаций (25 % от общего числа на Юго-Западном фронте за период с конца 1914–1915 г.), распространение которых пришлось на декабрь 1915 г. [Пропаганда..., 2012, с. 100–104]. А уже в январе 1916 г. их число возросло вдвое [Пропаганда..., 2012, с. 93, 104–107, 109–111]. В последующие месяцы количество новых разновидностей прокламаций, выявленных в 7-й армии, было сравнительно невелико: в феврале – не выявлено; в марте – 1 разновидность; в апреле – 2; в мае – 2; в июне и июле 7-й армии пропагандистских листовок не выявлено; в августе – 1 разновидность; в сентябре – 1; в октябре – ноябре в рассматриваемой армии прокламаций также не выявлено; в начале 1917 г. – 1 разновидность [Пропаганда..., 2012, с. 114–116; 120, 123–130; 135–136]. В общей же сложности за весь 1916 – начало 1917 г. в 7-й армии зафиксировано 14 разновидностей листовок, что показывает рост интенсивности пропаганды Четверного союза в 4,7 раза или на 366,7 %.

С марта по июнь 1917 г. в 7-й армии прокламации выявлены только в апреле и мае. Однако, по-видимому, не все образцы сохранились, так как распространение австро-германского прокламаций отмечалось уже с первых чисел марта². Всего за апрель – май

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 14; то же РГВИА. Ф. 2210. Оп. 1. Д. 332. Л. 168–168 об.

² См. напр.: РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 34, 73 об.; РГВИА. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 394. Л. 69, 77.

распространялось, по имеющимся сведениям, 17 разновидностей листовок [Пропаганда..., 2012, с. 144–148, 153–155, 158, 162–163, 174–178, 181, 230–231, 233–236, 244], среди которых 6 (35,3 %) являлись германскими [Пропаганда..., 2012, с. 230–231, 233–236, 244]. Таким образом, прирост числа разновидностей прокламаций в сравнении с 1916 – 2 марта 1917 г. составил 21,4 %. Из указанного количества образцов прокламаций основная масса пришлась на апрель – 13 разновидностей (76,5 %) [Пропаганда..., 2012, с. 144–148, 153–155, 158, 162–163, 230–231, 233–236, 244], из которых 5 были немецкими (38,5 % от общего числа разновидностей листовок, выявленных на фронте 7-й армии в апреле) [Пропаганда..., 2012, с. 230–231, 233–236, 244]. Это несомненно было во многом связано и с празднованием Святой Пасхи, пришедшейся в 1917 г. на 2 / 15 апреля, поскольку именно в дни Светлого Праздника традиционно имели место и всплески братания [Базанов, 2011, с. 264], создававшего благоприятные условия для пропаганды в частях русской армии [Бурский, 1917, с. 5; Жарков, 1917, с. 3].

Если же сопоставить аналогичные показатели за апрель и май 1916 г., то интенсивность пропагандистской работы, направленной против 7-й армии, возросла в 3,25 раза или на 225 %. Усиление австро-германской пропаганды фиксировалось и в штабе командующего 7-й армией: «Последнее время отмечается настойчивое стремление противника спасение своей страны построить на заключении сепаратного мира с Россией. Средством для поставленной цели служат: пропаганда мира при помощи плакатов, прокламаций, воззваний к нашим солдатам и провокационных газет, напечатанных в Берлине на русском языке и, наконец, братанье»¹. В качестве меры борьбы с распространением пропагандистских листовок, в частности, военному следователю 22-го армейского корпуса телеграммой от 19 апреля № 111447 / р. предписывалось: «Перебежчики и пленные, приносящие прокламации и пытающиеся вести агитацию против войны, подлежат преданию полевому суду»². А 4 июня в дополнение к этому распоряжению телеграммой № 111847 / р. указывалось: «... о перебежчиках и пленных, приносящих прокламации и пытающихся вести агитацию производить подробные дознания, каковые препровождать прокурору корпусного суда на заключение для выяснения статей о придании суду»³. Несмотря на то, что в первом полугодии 1917 г. прокламации в 7-й армии относятся только к апрелю и маю, она занимает второе место по количеству их разновидностей среди армий Юго-Западного фронта.

В 11-й армии на протяжении 1915 г. распространялось 6 разновидностей листовок [Пропаганда..., 2012, с. 90–91, 97–98, 99–101, 102–103, 224–225] (50 % от общего числа на рассматриваемом фронте за период с конца 1914–1915 г.). Следует отметить, что, если в первой половине 1915 г. распространение прокламаций носило, исходя из имеющегося материала, эпизодический характер, то с сентября по декабрь ежемесячно фиксировался новый образец прокламаций на фронте 11-й армии [Пропаганда..., 2012, с. 97–103]. Именно в этой армии, по имеющимся в нашем распоряжении документам, распространялось наибольшее число пропагандистского материала Центральных держав в рассматриваемый период. Эта тенденция сохранилась и в 1916 – начале 1917 г. В это время число разновидностей прокламаций, зафиксированных в 11-й армии, возросло до 23 [Пропаганда..., 2012, с. 106–111, 114–115, 119–122, 123–126, 128–140, 226], то есть в 3,8 раза или на 283,3 %. Доля же листовок, пришедшихся на 11-ю армию, в соотношении с общим количеством их разновидностей, распространявшихся на Юго-Западном фронте в 1916 – 2 марта 1917 г., составляет 54,8 %.

По месяцам же в 1916 – начале 1917 г. прокламации, обнаруженные на фронте 11-й армии, распределились следующим образом: январь – 2 разновидности; февраль – 1; март – 1; в апреле листовок не выявлено; май – 5 разновидностей; июнь – 2; в июле новых разновидностей прокламаций не зафиксировано; август – 1; сентябрь – 2; октябрь – новых образцов листовок не выявлено; ноябрь – 2 разновидности; декабрь 1916 г. – начало

¹ РГВИА. Ф. 3318. Оп. 1. Д. 760. Л. 322.

² РГВИА. Ф. 2223. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

³ Там же.

1917 г. – 8 [Пропаганда..., 2012, с. 106–111; 114–115; 119–125, 226; 128–140], из которых 2 образца распространялись и в конце 1916 г., и в начале 1917 г. [Пропаганда..., 2012, с. 135–138], а также 2 разновидности относятся уже к началу 1917 г. [Пропаганда..., 2012, с. 138–140]. Таким образом, обращают на себя внимание два эпизода усиления пропагандистской работы державами Четверного союза в рассматриваемый период – в мае, накануне и в начале Брусиловского прорыва и в конце 1916 г. – начале 1917 г., когда в основном произошла стабилизация фронта.

Весьма примечательно, что в марте – июне 1917 г. в отличие от других армий Юго-Западного фронта, количество прокламаций, приходящихся на 11-ю армию, исходя из имеющегося массива документов, не увеличилось, а резко сократилось. Единственный выявленный в этот период в 11-й армии образец листовки относится к апрелю 1917 г. [Пропаганда..., 2012, с. 161–162]. По всей видимости, это свидетельствует о том, что получаемые солдатами прокламации, распространявшиеся в 11-й армии австро-германскими военнослужащими в данное время, не доходили до командного состава в значительной мере вследствие более сильного, чем в рассмотренных выше армиях, разложения её войсковых соединений и, как следствие, не отложились в архивах. А о том, что на фронте 11-й армии распространение пропагандистского материала Четверного союза фиксировалось с первых чисел марта, имеются сведения в разведывательных сводках¹.

Что касается Особой армии, то она была сформирована только в августе 1916 г., и до конца года на её фронте прокламаций Центральных держав, по имеющимся сведениям, не было выявлено. В марте – июне 1917 г. в Особой армии обнаружилось 6 разновидностей прокламаций [Пропаганда..., 2012, с. 146–149, 160–161, 164–165, 230–231, 247], из которых 4 (66,7 %) – германские [Пропаганда..., 2012, с. 148–149, 160–161, 230–231, 247]. Все указанные листовки распространялись в Особой армии в апреле и мае 1917 г. Однако и здесь имеет место неполнота сохранившегося документального материала, поскольку случаи распространения прокламаций в рассматриваемой армии зафиксированы уже в начале марта². На апрель приходится 5 разновидностей [Пропаганда..., 2012, с. 146–149, 160–161, 164–165, 230–231], 3 из которых, по моему мнению, германские [Пропаганда..., 2012, с. 148–149, 160–161, 230–231]. В мае же зафиксирована 1 разновидность германских прокламаций [Пропаганда..., 2012, с. 247].

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на определённую неполноту документального материала, он тем не менее позволяет сделать определённые наблюдения. Так, в конце 1914 г. – 1915 г. пропаганда Четверного союза носила в значительной мере эпизодический характер, однако к концу 1915 г. отмечается повышение её интенсивности. В 1916 г. появление новых разновидностей прокламаций можно ранжировать по месяцам, что говорит о нарастании пропагандистской работы Центральных держав. Однако число новых образцов листовок, появляющихся в тот или иной месяц, оставалось относительно стабильным, если не считать отдельных всплесков активности вбросов или, наоборот, отсутствия прокламаций, чаще всего, по-видимому, в связи с активными боевыми действиями.

После Февральской революции ситуация с распространением прокламаций на Юго-Западном фронте меняется. С марта по июнь в целом отмечается волнообразный всплеск числа разновидностей листовок, пик которого пришёлся на апрель, а затем наблюдается постепенное его снижение к июню. По мнению автора, эта несколько необычная ситуация объясняется как резким ростом пропагандистской активности войск Центральных империй, так и падением дисциплины в русской армии в указанные месяцы. Следует также отметить, что имевший место именно в апреле 1917 г. пик распространения прокламаций Австро-Венгрии и Германии на Юго-Западном фронте во многом закономерен и потому, что пришёлся на время празднования Пасхи православными христианами.

¹ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 169–170, 173.

² РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 17, 19, 37; РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 203 об., 207–207 об., 209–209 об., 215; РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 18, 29, 38.

Необходимо также остановиться на содержании пропагандистского материала, исходившего от стран Четверного союза. В конце 1914 г. – 1915 г. одной из наиболее распространённых тем австро-германской пропаганды стало стимулирование в русской армии настроений против командного состава и власти в целом (8 разновидностей листовок) [Пропаганда..., 2012, с. 87, 89, 95, 97–98, 99–100, 102–104, 224–225]. Интересно, что в одной из разновидностей листовок, обнаруженной 5 января 1915 г. на фронте 8-й армии, а также в апреле 1915 г. на Северо-Западном фронте, говорилось: «Солдаты! В самых трудных минутах своей жизни обращается к вам, солдатам, ваш царь! Возникла сия несчастная война против воли моей: она вызвана интригами великого князя Николая Николаевича и его сторонников ... Солдаты! Отказывайтесь повиноваться вашим вероломным генералам, обратите оружие на всех, кто угрожает жизни и свободе нашего царя, безопасности и прочности дорогой родины» [Пропаганда..., 2012, с. 89]. Ещё одной важной темой прокламаций в этот период стали военные неудачи России (7 разновидностей листовок) [Пропаганда..., 2012, с. 90–91, 95, 97–98, 99–100, 102–104, 224–225]. Также часто фигурировали призывы к сдаче в плен (6 разновидностей листовок) [Пропаганда..., 2012, с. 93, 100–104, 224–225].

Следует также отметить, что уже в 1915 г., по моим подсчётам, имело место 6 случаев распространения одинаковых или близких по содержанию прокламаций на фронте сразу нескольких армий [Пропаганда..., 2012, с. 87, 89, 100–104, 224–225]. Один образец из указанного перечня обнаруживался в 7-й и 11-й армиях [Пропаганда..., 2012, с. 100–101]. Однако несколько разновидностей листовок было выявлено не только в рассматриваемых 7-й, 8-й и 11-й армиях. Так две разновидности прокламаций распространялись в конце 1914 – начале 1915 г. в 8-й армии Юго-Западного фронта, а также на Северо-Западном фронте [Пропаганда..., 2012, с. 87, 89]. Кроме того, в начале июля 1915 г. одна разновидность прокламаций была выявлена в 11-й и 5-й армиях [Пропаганда..., 2012, с. 224–225], а в конце того же года иной образец прокламации обнаружен в 7-й, 11-й и 9-й армиях [Пропаганда..., 2012, с. 102–103]. Ещё одна разновидность листовок обнаружена так же в конце 1915 г. в 7-й и 9-й армиях [Пропаганда..., 2012, с. 103–104].

В 1916 – начале 1917 г. наиболее важное место в пропаганде Центральных держав на Юго-Западном фронте занимали схожие темы, однако разнообразие разновидностей прокламаций заметно возросло. Больше место в пропаганде Австро-Венгрии и Германии стало уделяться провоцированию недоверия к союзникам по Антанте и, в первую очередь, антибританских настроений (22 разновидности листовок, что составляет 52,4 % от выявленных в 1916 – начале 1917 г. образцов австро-германских прокламаций). Гораздо в меньшем числе листовок содержалась антифранцузская риторика – 13 образцов (31 %), а также выпады против Италии – 11 образцов (26,2 %); обвинения против Японии имелись только в 4 разновидностях прокламаций (9,5 %) [Пропаганда..., 2012, с. 104–116, 119–123, 125–126, 129–140]. Однако необходимо отметить, что чаще всего листовки, в которых информационной атаке подвергались Франция, Италия и Япония, одновременно имели и антибританскую направленность.

Продолжалось в рассматриваемый период и стимулирование недоверия к командованию и власти в целом (18 разновидностей листовок) [Пропаганда..., 2012, с. 104–112, 114–115, 120–128, 129–130, 132–134, 139–140, 226]. Особое внимание привлекает использование австро-германским командованием листовок большевиков в качестве пропагандистского материала. Так в распространяемой в мае в 7-й и 11-й армиях прокламации содержались следующие призывы: «Товарищи солдаты! Нет, не нам нужна война, не в наших интересах она затеяна! Война нужна и затеяна в интересах крепостников-дворян и хищнической буржуазии ... Товарищи солдаты! Не пора ли задуматься над вопросом, чтобы самим положить конец этой бессмысленной бойне? ... Не пора ли обернуть эти штыки против угнетателей народа – помещиков, буржуазии, насилия царизма? Да, товарищи, пора! Прислушайтесь, что говорят передовые рабочие, организуйте ротные, батальонные и полковые солдатские дружины, читайте, распространяйте листовки, подготовляй-

тесь и готовьте товарищей, чтобы, организовавшись, выступить вместе с революционным пролетариатом на борьбу с царским самодержавием и кровожадно-хищными капиталистами. Ибо только революционное выступление пролетариата и революционной армии сможет положить конец этой кровавой, ненужной войне ... Петербургский комитет РСДРП» [Пропаганда..., 2012, с. 124–125].

Большое внимание уделялось в австро-германской пропаганде и освещению и преувеличению военных неудач России (17 разновидностей листовок) [Пропаганда..., 2012, с. 104–113, 115–116, 119–122, 126–134, 138–139]. Продолжали печататься в листовках и призывы сдаваться в плен (12 разновидностей листовок) [Пропаганда..., 2012, с. 93, 104–105, 109–113, 115–116, 120, 122–123, 128, 130]. Отдельно необходимо отметить, что, в особенности ближе к концу 1916 г., всё чаще поднималась тема заключения мира (11 разновидностей листовок) [Пропаганда..., 2012, с. 120–122, 125–126, 130–136, 138–140]. Кроме того, следует отметить, что в этот период в 10 случаях распространялись одинаковые или близкие по содержанию прокламации на фронте нескольких армий [Пропаганда..., 2012, с. 106–111, 114–116, 119–120, 123–125, 129–130, 135–136].

Среди тем, развиваемых австро-германской пропагандой в марте – июне 1917 г. на первый план выходит насаждение антибританских настроений (22 разновидности листовок [Пропаганда..., 2012, с. 142–148, 154–157, 159–160, 162–166, 168–169, 172–173, 176–181, 227–228, 230–231, 247], из которых 7 – немецкие [Пропаганда..., 2012, с. 165–166, 168–169, 172–173, 176–178, 227–228, 230–231, 247]) и тема заключения мира (43 разновидности листовок [Пропаганда..., 2012, с. 142–157, 159–163, 164–170, 171–173, 176–181, 184, 227–228, 233–236, 238, 244–245, 247], из которых 17 – германские [Пропаганда..., 2012, с. 148–149, 160–161, 165–169, 172–173, 176–178, 184, 227–228, 233–236, 238, 244–245, 247]). Среди второй упомянутой группы прокламаций обращает на себя внимание экстравагантное заявление, содержащееся в немецкой листовке, распространяемой в мае в 7-й армии: «Германские и австро-венгерские представители были уже намечены; они были уполномочены указать, каким образом военные действия между нами и Россией могли бы быть окончены без отпадения России от своих союзников. Однако представители русской армии сочли более удобным не откликнуться на наше предложение» [Пропаганда..., 2012, с. 176]. Подобные обещания, заведомо невыполнимые в силу пункта 5 действовавшей между Россией и Францией военной конвенции от 5 августа 1892 г. [Мировые войны XX века..., 2002, с. 13], безусловно были рассчитаны на солдатскую массу, не знакомую с особенностями коалиционной войны. Весьма важно отметить, что характер ведения военных действий австро-германской стороной часто мог совпадать с тем, о чём говорилось в прокламациях. Так, в частности, в разведывательной сводке Штаба 7-й армии № 111512-Р от 16 апреля отмечено, что пленный 16-го имперского полка 36 австрийской дивизии показал: «11 апреля был прочитан приказ по дивизии, в котором требуется, чтобы полки были приведены в полную боевую готовность в виду ожидаемого русского наступления. Настоящее показание может быть поставлено в связь с подбрасываемыми противником прокламациями, в которых между прочим указывается: «Союзным германским и австро-венг[е]р[ским] войскам было предложено начальством в дни Светлого Праздника показать готовность Германии и Австро-Венгрии к окончанию войны» и далее «С 10 / 23 числа снова придётся стрелять, и опасность будет грозить всякому, выходящему из окопов»¹. Следует также отметить, что в марте – июне 1917 г. было выявлено 19 случаев распространения одинаковых или близких по содержанию прокламаций на фронте нескольких армий [Пропаганда..., 2012, с. 144, 148–149, 153–156, 160–162, 164–165, 170–171, 176–181, 230–231, 233–236, 244, 247].

Необходимо сказать, что пропагандистская работа Австро-Венгрии и Германии не проходила бесследно. В особенности это стало заметно в 1917 г. Так, А. Нокс отмечал, что «солдаты, которые умели читать ... привыкли считать, что печатное слово – это обязательно

¹ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 122.

правда, поэтому верили всему тому, что читали» [Нокс, 2014, с. 566]. Это, по-видимому, имело отношение и к прокламациям Четверного союза. О том, что, по крайней мере, часть солдат в этот период вполне могла доверять содержанию австро-германской пропаганды, свидетельствуют следующие факты. В представленном депутатами Государственной Думы А.М. Масленниковым и П.М. Шмаковым докладе, подготовленном ими после посещения действующей армии, относительно состояния в частности 1-го Гвардейского корпуса, отмечалось, что к союзникам по Антанте «... чувствовалось явное недоверие. В речах ни одного слова, враждебного к Германии» [Разложение армии..., 1925, с. 55]. Примечателен и эпизод, имевший место в начале июня во время нахождения А. Нокса в штабе 11-й армии в городе Кременец: «... когда на фронте происходило братание, к русским подошли несколько немецких офицеров, и сразу же начался оживлённый спор о причинах войны. Русские офицеры, естественно, не сошлись во мнениях с немецкими, а один из русских солдат заявил, что он склонен скорее поверить тому, что говорят немцы» [Нокс, 2014, с. 568–569].

Подводя итоги, необходимо отметить, что выявленный рост числа прокламаций Австро-Венгрии и Германии, распространяемых ими в армиях Юго-Западного фронта, свидетельствует о том, что командование воюющих государств всё более придавало значение пропаганде, становящейся неотъемлемой частью современной войны. Эффективность такого вида борьбы с противником особенно наглядно проявилась в условиях революции в России. Столь мощное пропагандистское воздействие на фоне всплеска братания весной 1917 г. и меняющейся политической обстановки в России, несомненно, оказывало влияние на настроение солдат и явилось одним из важных факторов роста антивоенных настроений и способствовало дальнейшей утрате боеспособности русской армией.

Список литературы References

1. Асташов А.Б. 2011. Братания на Русском фронте Первой Мировой войны. Новый исторический вестник. (2): 29–41.
Astashov A.B. 2011. Brataniya na Russkom fronte Pervoj Mirovoj vojny. Novyj istoricheskij vestnik. (2): 29–41. (in Russian)
2. Асташов А.Б. 2012. Братания на Русском фронте Первой Мировой войны: между пацифизмом и мировой революцией. Первая Мировая война, Версальская система и современность. Сб. статей. СПб.: 40–47.
Astashov A.B. 2012. Brataniya na Russkom fronte Pervoj Mirovoj vojny: mezhdru pacifizmom i mirovoj revoljuciej. Pervaja Mirovaja vojna, Versal'skaja sistema i sovremennost'. Sb. statej. SPb.: 40–47. (in Russian)
3. Базанов С.Н. 2011. Антивоенные выступления на фронте в марте – октябре 1917 г. Забытая война и преданные герои. М., Вече: 262–267.
Bazanov S.N. 2011. Antivoennye vystupleniya na fronte v marte – oktjabre 1917 g. Zabytaja vojna i predannye geroi. M., Veche: 262–267. (in Russian)
4. Базанов С.Н. 2015. Братание как феномен Первой Мировой войны. Первая Мировая война – пролог XX века. Материалы международной научной конференции. (Москва, 8–10 сентября 2014). Ч. 2. М.: 215–222.
Bazanov S.N. 2015. Bratanie kak fenomen Pervoj Mirovoj vojny. Pervaja Mirovaja vojna – prolog XX veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. (Moskva, 8–10 sentjabrja 2014). Ch. 2. M.: 215–222. (in Russian)
5. Базанов С.Н. «2002. Немецкие солдаты стали ... переползать к русским «товарищам» и брататься с ними». Военно-исторический журнал. (6): 43–50.
Bazanov S.N. «2002. Nemeckie soldaty stali ... perepolzat' k russkim «tovarishham» i bratat'sja s nimi». Voenno-istoricheskij zhurnal. (6): 43–50. (in Russian)
6. Базанов С.Н. 2013. Феномен братания на Русском фронте. Первая Мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей. Калининград: 154–162.
Bazanov S.N. 2013. Fenomen brataniya na Russkom fronte. Pervaja Mirovaja vojna v istorii i kul'ture Rossii i Evropy: sb. statej. Kaliningrad: 154–162. (in Russian)

7. Бахурин Ю.А. 2010. О первых братаниях с противником в годы Первой Мировой войны. Вопросы истории. (12): 167–168.
- Bahurin Ju.A. 2010. O pervykh bratanijah s protivnikom v gody Pervoj mirovoj vojny. Voprosy istorii. (12): 167–168. (in Russian)
8. Бондаренко В.В. 2014. Братания на фронте. Россия в Первой Мировой войне. 1914 – 1918. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. М., РОССПЭН: 203–205.
- Bondarenko V.V. 2014. Bratanija na fronte. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne. 1914–1918. Jenci-klopedija. V 3 t. T. 1. M., ROSSPJeN: 203–205. (in Russian)
9. Бурский П.Д. 1917. Братание с врагом. Народные беседы. (17), 17.
- Burskij P.D. 1917. Bratanie s vragom. Narodnye besedy. (17), 17. (in Russian)
10. Вегер В.И. 1924. К изучению ленинизма. Ленин. Большевики. Диктатура пролетариата. Иваново-Вознесенск, Основа, 74.
- Veger V.I. 1924. K izucheniju leninizma. Lenin. Bol'sheviki. Diktatura proletariata. Ivanovo-Voznesensk, Osnova, 74. (in Russian)
11. Велигура Л.И. 1977. В.И. Ленин о значении братания на русско-германском фронте в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Великий Октябрь и революционное движение в Германии. Днепропетровск, ДГУ: 28–39.
- Veligura L.I. 1977. V.I. Lenin o znachenii bratanija na russko-germanskom fronte v period podgotovki Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii. Velikij Oktjabr' i revoljucionnoe dvizhenie v Germanii. Dnepropetrovsk, DGU: 28–39. (in Russian)
12. Велигура Л.И. 1982. К вопросу о братании на русско-германском фронте в период борьбы Советской России за претворение в жизнь Декрета о мире (ноябрь – декабрь 1917). Вопросы германской истории. Русско-германские отношения Нового и Новейшего времени. Днепропетровск, ДГУ: 96–104.
- Veligura L.I. 1982. K voprosu o bratanii na russko-germanskom fronte v period bor'by Sovetskoj Rossii za pretvorenie v zhizn' Dekreta o mire (nojabr' – dekabr' 1917). Voprosy germanskoj istorii. Russko-germanskie otnoshenija Novogo i Novejshego vremeni. Dnepropetrovsk, DGU: 96–104. (in Russian)
13. Жарков А. 1917. Германские прокламации и «братание». Пг., Военная типография, 15.
- Zharkov A. 1917. Germanskie proklamacii i «bratanie». Pg., Voennaja tipografija, 15. (in Russian)
14. Изгоев А.С. 1917. Социалисты во Второй русской революции. Пг., Партия народной свободы, 84.
- Izgoev A.S. 1917. Socialisty vo Vtoroj russkoj revoljucii. Pg., Partija narodnoj svobody, 84. (in Russian)
15. Истрати Е.Н. 1973. Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинёв, Штиинца, 148.
- Istrati E.N. 1973. Demokraticeskoe dvizhenie za mir na Rumynskom fronte v 1917 godu. Ki-shin'jov, Shtiinca, 148. (in Russian)
16. Кутузов В.В. 1968. Документы о братаниях в фондах ЦГВИА. Советские архивы. (4): 98–101.
- Kutuzov V.V. 1968. Dokumenty o bratanijah v fondah CGVIA. Sovetskie arhivy. (4): 98–101. (in Russian)
17. Минц И.И. 1977. История Великого октября. В 3 т. Т. 2. М., Наука, 1008.
- Minc I.I. 1977. Istorija Velikogo oktjabrja. V 3 t. T. 2. M., Nauka, 1008. (in Russian)
18. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война. Док. и материалы. Отв. ред. В.К. Шацилло. М., Наука, 2002, 581.
- Mirovye vojny XX veka: v 4 kn. Kn. 2. Pervaja mirovaja vojna. Dok. i materialy. Otv. red. V.K. Shacillo. M., Nauka, 2002, 581. (in Russian)
19. Нокс Альфред. 2014. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. Пер. с англ. А.Л. Андреева. М., ЗАО Центрполиграф, 671.
- Knox Alfred. 2014. With the Russian army. Being Chiefly Extracts from the Diary of A Military Attache. 1914–1917. M., ЗАО Centrpoligraf, 671. (in Russian)
20. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. Авт. сост. А.Б. Астахов. М., Спецкнига, 2012, 400.
- Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny. Avt. sost. A.B. Astashov. M., Speckniga, 2012, 400. (in Russian)
21. Разложение армии в 1917 г. Подготовлено к печати Н.Е. Какуриным. 1925. М., Л., Госиздат, 190.

Razlozhenie armii v 1917 g. Podgotovleno k pečati N.E. Kakurinym. 1925. M., L., Gosizdat, 190. (in Russian)

22. Суряев В.Н. 2016. Германская пропаганда как средство принуждения России к сепаратному миру (1915–1917 гг.). Вестник Пермского университета. Выпуск 1 (32): 113–121.

Surjaev V.N. 2016. Germanskaja propaganda kak sredstvo prinuzhdenija Rossii k separatnomu miru (1915–1917 gg.). Vestnik Permskogo universiteta. Vypusk 1 (32): 113–121. (in Russian)

23. Тёмкин Я.Г. 1957. Большевики в борьбе за демократический мир. М., Государственное издательство политической литературы, 435.

Tjomkin Ja.G. 1957. Bol'sheviki v bor'be za demokraticeskij mir. M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo političeskoj literatury, 435. (in Russian)

24. Ткачук А.Г. 1967. Братание на фронтах в 1917 г. (по материалам Юго-Западного и Румынского фронтов). Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., Наука: 131–145.

Tkachuk A.G. 1967. Bratanie na frontah v 1917 g. (po materialam Jugo-Zapadnogo i Rumynskogo frontov). Učastie trudjashhihsja zarubezhnyh stran v Oktjabr'skoj revoljucii. M., Nauka: 131–145. (in Russian)

25. Фельштинский Ю. 1992. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., ТЕРРА, 656.

Fel'shtinskij Ju. 1992. Krushenie mirovoj revoljucii. Brestskij mir: Oktjabr' 1917 – nojabr' 1918. M., TERRA, 656. (in Russian)

26. Френкин М.С. 1978. Русская армия и революция. Мюнхен, Logos, 750.

Frenkin M.S. 1978. Russkaja armija i revoljucija. Mjunhen, Logos, 750. (in Russian)

27. Хохлов В. 1931. Тактические разногласия среди большевиков в 1917 г. М., Государственное социально-экономическое издательство, 77.

Hohlov V. 1931. Taktičeskie raznoglasija sredi bol'shevikov v 1917 g. M., Gosudarstvennoe social'no-jekonomičeskoe izdatel'stvo, 77. (in Russian)